



ЕВРОПЕЙСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ  
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Россия и страны Балтии:  
расхождение цивилизаций

Препринт М-61/17

Центр исследований  
модернизации



Санкт-Петербург  
2017

УДК 327(470)

ББК 63.4

3-29

3-29    **Заостровцев А. П.**

**Россия и страны Балтии: расхождение цивилизаций** / Андрей Заостровцев : Препринт М-61/17. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 40 с. — (Серия препринтов; М-61/17; Центр исследований модернизации).

Расхождение России и стран Балтии рассматривается на базе концепций институциональной экономической теории как институциональная конкуренция двух различных цивилизаций — Востока и Запада. На основе исторического противостояния Московии и Великого княжества Литовского (позже — Речи Посполитой) показано, что оно было проявлением несовместимости институциональных основ. Зависимость от исторического пути развития обуславливает и современные принципиальные институциональные различия России, с одной стороны, и Латвии, Литвы и Эстонии — с другой.

*Информация об авторе:* Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) (zao-and@yandex.ru).

## Институты и «эффект колеи»

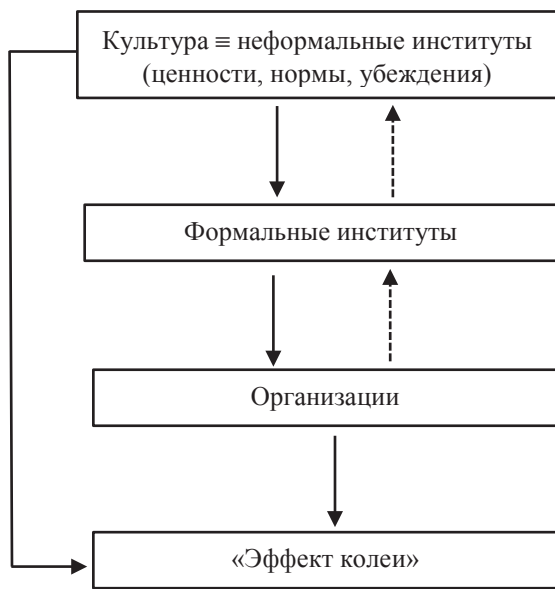
В любой момент времени игроков сдерживает зависимость от пройденного пути — их выбор ограничен сочетанием представлений, институтов и артефактной структурой, унаследованной от прошлого

[Норт 2010, с. 123]

Экономисты давно обратили внимание на то, что рассматриваемые ими в историческом времени институты обладают различной устойчивостью. Некоторые возникают и исчезают на сравнительно коротких отрезках; другие, напротив, воспроизводят себя в «долгом времени», определяя траекторию, по которой движется то или иное общество. Причем сменить траекторию часто не удастся, несмотря ни на спонтанные социальные потрясения, ни на сознательно конструируемые реформы. Это явление и получило наименование «зависимость от исторического пути», или кратко «эффект колеи» (*path dependency*).

Данный эффект исследовался в ряде работ [Цирель 2005; Нуреев, Латов 2009; Афонцев 2010 и др.]. В них представлен обзор развития концепции, начиная со знаменитого QWERTY-эффекта П. Дэвида. В настоящей работе не стоит задача углубиться в историю вопроса или поучаствовать в дискуссии по многим нерешенным теоретическим проблемам институциональной истории. Наметим лишь основные контуры пробле-

мы с тем, чтобы в дальнейшем не терять теоретическую нить. Для этого есть смысл обратить внимание на схему, изображенную на *рис. 1*.



*Рис. 1. Культура, институты, организации и «эффект колеи»*

Сразу укажем на верхний прямоугольник, где у нас ставится тождество между культурой и неформальными институтами. Сводятся они, как видим, к ценностям, нормам и убеждениям. Далеко не все авторы согласны с этой трактовкой<sup>1</sup>. В то же время недавняя фундаментальная работа А. Алесина и П. Джулиано «Культура и институты» опирается именно на такое отождествление. Они используют понятие «культура» в качестве заменителя понятия «неформальные институты» и далее в своем исследовании применяют термин «институты» только к формальным институтам [Alesina, Guiliano 2015, p. 902]. Это открывает возможность избежать схоластических споров о сходстве и различии культуры и неформальных институтов, что сразу вносит большую определенность.

---

<sup>1</sup> Наиболее принципиальным критиком объяснения неформальных институтов в качестве культурного феномена является известный российский экономист-институционалист В. Тамбовцев [Тамбовцев 2014, 2015].

Следует также обратить внимание на видение культуры Д. Нортон. Напомним, что он характеризовал ее как «межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей» [Норт 2010, с. 81]. Его подход отличается от трактовки А. Алесина и П. Джулиано, но лишь в том, что культура трактуется не просто как статика неформальных институтов, но и как продолжение их существования во времени. Устойчивость (долгожителство) культурного наследия порождает «эффект колеи», который трактуется Д. Нортон как «способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения» [там же, с. 39]. На *рис. 1* это влияние представлено сплошной линией, идущей от культуры (неформальных институтов) и выводящей непосредственно на «эффект колеи».

Влияние культуры может быть разнонаправленным: в одних случаях она ускоряет продвижение к институтам развития, в других — напротив, тормозит. Обществу бывает время от времени необходимо давать ответы на новые вызовы, и «именно культурное наследие во многих случаях будет определять успех или неудачу» [там же, с. 35]. В. Полтерович, разрабатывая теорию «институциональных ловушек», в качестве одной из причин их появления называл культурную инерцию, под которой понимал нежелание акторов менять стереотипы поведения [Полтерович 2004, с. 7].

На *рис. 1* сплошной линией со стрелкой показано детерминирующее влияние культуры на формальные институты и такой же, но уже пунктирной линией обратное влияние. И далее представлен аналогичный характер взаимодействия между формальными институтами и организациями. Понять это лучше всего удастся на каких-либо примерах. Возьмем конституцию. Она является формальным институтом как в установленном порядке оформленный договор между обществом и государством. В нем обычно перечисляются основные гражданские и политические права. Однако если эти права не стали ключевыми составляющими самоидентификации людей, включенных в это общество, их внутренней органической потребностью, то тогда формально-правовые положения рано или поздно превращаются в бессодержательные: их нарушение ставится на постоянную основу. Иначе говоря, для демократической конституции требуется соответствующая политическая культура<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> «Политическая культура <...> выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества» [Тульчинский 2015, с. 23].

Формальные институты требуют, с другой стороны, соответствующих организаций, которые несут ответственность за их реализацию в общественной жизни. В случае с конституцией это, разумеется, конституционный суд. Само его существование производно от наличия института. И, естественно, поэтому организация делает все, что в ее силах, чтобы сохранить ту основу, на которой она стоит. Консервативный настрой организаций вносит свой важный вклад в «эффект колеи» (рис. 1). Аналогичную цепочку от неформального института к этому эффекту можно проследить и на другом примере: вера — канонический текст — церковь.

В исследовании «эффекта колеи» обращается внимание на так называемый эффект гистерезиса: однажды произведенное сильное возмущение меняет институты. Однако если впоследствии возмущающее воздействие и устраняется, то система не возвращается в прежнее состояние, а продолжает быть такой, какой она сформировалась в результате этого воздействия [там же, с. 7–8]. Подобный эффект хорошо наблюдается в русской истории: воздействие ордынских институтов на формирование модели власти. Оно, как увидим далее, явилось тем мощным «стартовым ускорением», которое задало траекторию движения на века вперед. Впоследствии воспроизводство властных отношений шло уже на собственной основе.

«Эффект колеи» зачастую опрокидывает усилия реформаторов. Рассуждая о причинах успехов и неудач реформ, а если взять шире, то и процесса модернизации в целом, порой не учитывают того, что серьезные институциональные изменения на уровне формальных институтов наталкиваются на сопротивление институтов неформальных. «Игнорировать фактор жесткости системы ценностей и представлений — значит с самого начала обрекать институциональные изменения на неудачу» [Афонцев 2010, с. 36]. Другой же вопрос, который возникает в связи с этим: а реально ли произвести институциональные изменения в нужном направлении, если считаться с «системой ценностей и представлений»? Ведь если менять, ничего не меняя по существу, то можно остаться в плену последних: попасть в такую институциональную ловушку, которую в пору назвать историческим тупиком общественной системы.

Действия постсоциалистических реформаторов в странах Балтии по своему формальному содержанию принципиально не отличались от того, что предпринимал Е. Гайдар и его единомышленники в России. А результаты получились разные. Просто первым «повезло» с площадкой: они осуществляли изменения там, где ценности общества вполне

были готовы их принять. Российские же реформаторы в ответ на те же самые меры получили реакцию их отторжения в виде путинской «перестройки»: последняя принята обществом, поскольку пошла в русле доминирующих представлений о должном социальном порядке и общественных целях. Если бы реформаторы поменялись местами, то история осталась бы той же. Из «колеи» так просто не выпрыгнешь!

Россия и страны Балтии — наглядное воплощение институциональной конкуренции. «Объективная цель институциональной конкуренции — это расширение сферы действия отдельных видов или отдельных наборов “правил игры”» [Нуреев, Латов 2009, с. 16]. При этом, как справедливо отмечают авторы, побеждает в институциональной конкуренции систем не обязательно та система, чьи институты обеспечивают более высокий уровень жизни. А та, чья готовность отстаивать собственные институты и подавлять институты конкурентов выше. В качестве примера исследователи приводят исход противостояния между Новгородом и княжеством Московским [там же, с. 17].

В мире конкурируют две антагонистические институциональные системы: основанная на частной собственности и субъектной индивидуальности, с одной стороны, и основанная на властной собственности и объектной индивидуальности — с другой. Запад и Восток<sup>3</sup>. И конкуренция эта в сущности своей представляет конкуренцию двух несовместимых культур. Вопрос стоит так: какая из них возьмет верх? Кто кому навязет свою модель? На востоке Европы исторически институциональную конкуренцию этих институциональных моделей воплощала многолетняя борьба между Московией и Великим княжеством Литовским (потом — Речи Посполитой). Расхождения России и Балтии — это расхождения двух цивилизационных матриц<sup>4</sup>. Русской и европейской (Западной).

---

<sup>3</sup> Понятно, что это не географические понятия, а обозначения противостоящих друг другу институциональных систем.

<sup>4</sup> «Матрица выступает как устойчивая, исторически сложившаяся, взаимосвязанно функционирующая совокупность базовых институтов конкретно-исторических обществ, специфических в каждой из цивилизаций» [Шкаратан 2015, с. 19]. Употребляемое нередко далее понятие «Русская матрица» означает, таким образом, не что иное, как институциональное ядро системы.

## Балтийский путь и Московия

Современное наименование «страны Балтии» появилось как противопоставление советскому термину «Прибалтика», который объединял три республики СССР, выходящие на южное побережье Балтийского моря, и нес на себе (при всей своей внешней нейтральности) налет имперской пренебрежительности по отношению к народам оккупированных в 1940 г. стран. Однако новое имя тоже выглядит несколько странным для дня сегодняшнего: не в меньшей степени странами Балтии могут именовать себя, например, Финляндия и Швеция. Скорее всего, оно призвано подчеркивать общую судьбу Литвы, Латвии и Эстонии в XX в. Если же пойти вглубь веков, то его употребление будет просто ошибочным: история Великого княжества Литовского (ВКЛ) должна быть выделена особо, ибо именно в его противостоянии с Московией наиболее отчетливо и рельефно проявилось столкновение цивилизационных типов на востоке Европы.

Белорусский историк Г. Левицкий так пишет об этом: «Два русских государства, Великое княжество Литовское и Московское княжество, избрали свои пути развития — неповторимые, непохожие. Лишь одна заветная цель объединяла их, одно желание не покидало их на протяжении столетий — желание завоевать, поглотить друг друга. Трагическое противостояние и жестокая борьба двух частей народа, разделенного волей обстоятельств, продолжались ровно столько, сколько параллельно существовали Великое княжество Литовское и Московское государство» [Левицкий 2015, с. 7].

В этой констатации у российского читателя могут вызвать некоторое удивление утверждения о двух русских государствах и о народе, разделенном волей обстоятельств. Надо признать, что если это и преувеличение, то незначительное. ВКЛ, говоря современным языком, представляло собой мультиэтничное государство, в котором славяне численно преобладали. И это преобладание имело место задолго до объединения с Польшей в единое государство Речь Посполитая в 1569 г. в результате Люблинской унии<sup>5</sup>.

---

<sup>5</sup> Американский историк латышского происхождения А. Плаканс дает следующую оценку (на середину XV в.): в границах Великого княжества проживало около 500 тыс. литовцев, тогда как во всем ВКЛ насчитывалось около 1,3 млн жителей [Плаканс 2016, с. 92]. По всей видимости, он имеет в виду под литовцами неславянское население ВКЛ.



После столкновения славянских княжеств с Золотой Ордой произошло первое расхождение цивилизаций. На востоке вокруг Владимира и потом Москвы формировалась группа интегрированных с Ордой княжеских владений, принявших не только ее верховенство и плативших ей дань, но и импортировавших ее базовые институты. Однако большая часть княжеств на территории Киевской Руси выбрала в конечном счете альтернативную цивилизационную модель, войдя в независимое от Орды ВКЛ<sup>6</sup>. Здесь решающее значение в военно-политическом плане имел разгром литовцами татарского войска при Синих Водах в 1362 г., вследствие чего территория княжества дотянулась до Черного моря и оно стало самым большим государством в Европе. В середине XV в. подконтрольная ВКЛ территория достигла максимального размера.

Очевидно, что на этой территории славянское население не могло не преобладать над этносами аукштайтов и жмайтов — предков современных литовцев. Их земли занимали лишь большую часть территории современной Литвы. Понятно, что демографические исследования в те времена не проводились. Иногда историки обращаются к более поздним (XVI в.) переписям войска ВКЛ в поисках соотношения фамилий со славянскими и литовскими (летувинскими) окончаниями [Голденков 2011, с. 43–44].

Однако для обоснования лидерства славянского начала в ВКЛ есть куда более весомый аргумент. Дело в том, что официальный язык ВКЛ (язык, на котором издавались законы страны и велось делопроизводство) относился к группе славянских языков. Иногда его называют старобелорусским, иногда — смесью русского и польского языков [Левицкий 2015, с. 59–60]. На нем написан известный Статут ВКЛ 1588 г., на нем же просветитель и первопечатник Франциск Скорина (1486–1551) создавал свои произведения и издавал книги (включая перевод Библии). Так что с небольшой оговоркой можно называть ВКЛ и «другой Русью», хотя Московию в те времена Русью никто не называл (на западноевропейских картах она именно Московия)<sup>7</sup>.

---

<sup>6</sup> «После монгольского нашествия Юго-Западная Русь сделала первый шаг в сторону европейской цивилизации, а Русь Северо-Восточная — в сторону от нее» [Ахизер, Клямкин, Яковенко 2005, с. 192].

<sup>7</sup> Впервые государем всея Руси стал именовать себя Иван III (1462–1505). Этот титул в то время был далек от действительности: даже Псков и Рязанское княжество будут присоединены к Великому княжеству Московскому только при его сыне. А большинство земель бывшей Киевской Руси еще долго будут находиться в составе ВКЛ (потом — Речи Посполитой). Но, как верно заметил Г. Левицкий, этот

Чем же выделялось ВКЛ? Выделялось оно своей уникальностью. В том плане, что это была страна, опередившая время. И уж конечно ВКЛ было страной-антитезой по отношению к Московии. Во-первых, это феодальная страна. Феодализм — сложная система договорных отношений между сюзереном и вассалами. Описывая такие договоры в ВКЛ (их там называли «докончаниями»), историк М. Кром делает следующее заключение: «Служилый князь выступает здесь как вассал великого князя, но вассал, сохраняющий большую долю самостоятельности, ограниченной только в сфере внешней политики, в своей же вотчине он — полный хозяин. Обязательства носят взаимный характер (курсив мой. — А. З.) и в случае несоблюдения сюзереном князь, добровольно заключивший договор, может его расторгнуть» [Кром 1995, с. 39].

Такие отношения (пусть они и нередко нарушались) закладывали основы правового сознания элиты, прививали среди ее членов восприятие себя в качестве суверенных личностей. Имел огромное значение и сам факт, что с верховным правителем подданный может о чем-то договариваться, причем в итоге договоренностей и вышестоящий несет определенные обязательства. Известно, что преобразования в направлении правового общества начинаются с взаимного признания элементарных правовых гарантий внутри элит.

Эпоха европейского феодализма (а другого феодализма, кроме европейского, и не было) не сводилась только к вассалитету или к тем или иным формам силовой эксплуатации крестьян. Из этих отношений выпадали города, бывшие центрами торговли, ремесел и просвещения. Они находились в коконе своей особой политико-экономической среды, регулируемой Магдебургским правом. Таковое распространялось практически на все города ВКЛ. В результате они обычно не несли феодальных повинностей и всегда развивали самоуправление. «Городской магистрат правил суд, собирал налоги, в значительной мере регулировал жизнь города, становившегося в решении внутренних вопросов независимым от центральной власти» [Левицкий 2015, с. 232]. И традиция Магдебургского права была настолько сильна, что окончательно расправиться с его остатками на завоеванной польско-литовской территории решился только Николай I в 30-е гг. XIX в.

Вольные города — одна из ключевых особенностей западной цивилизации того периода. И пусть их население по отношению к крестьян-

---

титул с тех пор стал «политической программой Рюриковичей» [Левицкий 2015, с. 67]. К этому можно добавить, что не только Рюриковичей.

ской массе очень невелико, но его роль в закладке первооснов буржуазного общества невозможно переоценить. Именно из городов рынок постепенно проникает в деревню. И именно города становятся агентами модернизации во всех смыслах, включая политический. До сих пор граница Московии вырисовывается довольно четко: Московия кончается там, где экскурсоводы начинают говорить, что в таком-то городе на таком-то месте была когда-то ратуша. Впрочем, некоторые из построек тех времен сохранились или восстановлены.

Есть основания согласиться и с тем, что «в XVI–XVIII вв. Речь Посполитая и Великое княжество Литовское являлись, пожалуй, самыми демократичными государствами Европы, где власть короля была сведена до минимума, а главным органом государства являлся парламент» [Голденков 2014, с. 195]. ВКЛ, а потом и Речь Посполитая — аристократические республики. Однако избыточная демократия, или, точнее, несбалансированность ее составляющих в виде очень сильного перекоса в пользу защиты прав каждого индивида от коллективного решения путем голосования, стала одной из причин гибели государства. Доведенный до крайности благодаря правилу *liberum veto* индивидуализм привел к анархии: покончил с разделением властей, парализовал исполнительную (королевскую) власть, как, впрочем, и сам Сейм, утративший способность нормально работать и принимать решения. «Два латинских слова, которые по замыслу должны были обеспечивать свободу личности, погубили государственность в Речи Посполитой» [Левицкий 2015, с. 194].

Однако любопытен такой факт: когда на краю гибели государства в 1764 г. Сейм отменил пресловутое право вето, это вызвало бурное возмущение абсолютистской России, ставшей вдруг неожиданно ярким защитником польской гипертрофированной демократии [там же, с. 206]. В связи с этим нельзя не отметить удивительную преемственность политики России на протяжении веков: всегда поддерживать все то, что дестабилизирует Западную цивилизацию и обостряет ее проблемы. Данный частный факт свидетельствует в пользу органической несовместимости с ней России. Далее придется в этом еще не раз убедиться.

Если выделить то, что обеспечивало ВКЛ ее авангардную роль в Европе в плане продвижения к правовому государству, то нужно обратить внимание не столько на роль Сейма, сколько на обеспечение гражданских прав его вольных жителей — как дворян, так и мещан. Речь пойдет о замечательном документе — Статуте ВКЛ 1588 г., подготовленном канцлером А. Воловичем и подканцлером Л. Сапегой. Историки особо отмечают роль последнего. И дают следующую характеристику Статуту:

«В этом документе ярко отразились общеевропейские гуманистические веяния: главенствующий авторитет закона в общественной жизни, приоритет светской власти над духовной, тенденции к усилению правовых гарантий личности и имущества членов общества вне зависимости от их сословного положения, уравнивание в правах перед законом членов общества разного вероисповедания, ответственность государственных чиновников перед законом, усовершенствование судопроизводства на основе принципов справедливости» [там же, с. 233]. И затем автор заключает: «Все артикулы Статута проникнуты идеей правового государства, идеей свободы личности в рамках разумного закона» [там же]. Этот Статут можно считать гражданским кодексом ВКЛ. И если переписать его современным языком, то за него смог бы проголосовать сегодня и Европарламент<sup>8</sup>.

Далее заметим, что ВКЛ характеризует и небывалая для тех времен религиозная толерантность. В начале XVI в. католики и православные соотносились в равных пропорциях (примерно по 40% от числа верующих). Иудеев насчитывалось около 10% (изгнанных к тому времени почти из всех стран Западной Европы). Ближе к XVII в. и далее стала активно продвигаться Реформация. В 1599 г. кальвинисты и православные даже заключили конфедерацию для защиты своих прав [Голденков 2011, с. 100, 106]. Можно вспомнить и Брестскую унию (1596 г.), в результате которой образовалась униатская церковь с подчинением римскому папе, но сохранением православной обрядности. Просто поражает воображение тот факт, что страна не распалась на постоянно воюющие друг с другом конфессии. Вспомним, что «толерантная» Западная Европа<sup>9</sup> вскоре на 30 лет погрузилась в серию истребительных религиозных войн (1618–1648)<sup>10</sup>.

И, наконец, просвещение. Говоря об этом, нельзя не назвать университет в Вильно, открытый в 1579 г., а также не вспомнить снова о Франциске Скорине, чья многогранная творческая деятельность свидетель-

---

<sup>8</sup> Подобно Магдебургскому праву, Статут отчасти действовал даже на покоренных Российской империей территориях бывшего ВКЛ. Полностью с ним покончил также Николай I. Случилось это в 1840 г.

<sup>9</sup> Чего стоит лишь одно изречение короля Чехии, а впоследствии императора Священной Римской империи Фердинанда II (1619–1637): «Лучше править пустыней, чем страной еретиков».

<sup>10</sup> Речь Посполитая формально участвовала в ней на отдельных этапах, но это участие не затронуло ее территорию и не породило религиозных войн внутри страны.

ствует о нем как о достойнейшем представителе эпохи Возрождения. Уроженец Полоцка сделал едва ли не больше для развития славянской культуры и распространения славянской письменности, чем вся Московия за весь период своего существования. Этот факт, как и все вышесказанное о ВКЛ, позволяет оценить «объективность» известного российского историка Л. Гумилева в данном вопросе. «Те русские княжества, которые отказались от союза с татарами, были захвачены частично Литвой, частично Польшей, и судьба их была очень печальной. В рамках западноевропейского суперэтноса русичей ждала участь людей второго сорта» [Гумилев 1992, с. 122]. В этом случае, выйдя за рамки научной этики, хочется напомнить о «первосортной» судьбе самого автора этой инсинуации (и его родителей) в рамках другого «суперэтноса».

Оценивая состояние институтов ВКЛ в целом, можно утверждать, что с конца XVI в., если следовать классификации Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011], оно вошло в стадию зрелого естественного государства<sup>11</sup>. Как отмечают те же авторы, Англия в конце XVI в. и на протяжении XVII в. совершила переход от базисной формы естественного государства к зрелой [там же, с. 196]. Таким образом, ВКЛ ничуть не отставало от Англии, а возможно, даже и опережало ее в институционально-стадиальном развитии. Не исключено, что оно могло при иных исторических обстоятельствах стать вторым центром промышленной революции. Основным институциональным препятствием для ВКЛ на пути европейского прогресса было, конечно, крепостное право, которое не позволяло распространить правовые принципы вниз, на все общество и, следовательно, создать широкую базу для развития рыночной экономики в виде свободного рынка труда.

Московия и ее институты воплощают альтернативную цивилизацию. Истоки социальных порядков Московии нередко ищут в Золотой Орде. Так, А. Ахиезер, И. Клямкин и И. Яковенко описывают становление московской власти как «эволюцию под монгольским облучением» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2005, с. 116–123]. Философ В. Кантор пишет о чудовищных последствиях степного владычества, которые трудно до конца выявить и оценить. Согласно ему, именно под влиянием Степи сущностным экзистенциальным врагом Руси стал Запад [Кантор 2007,

---

<sup>11</sup> «Зрелое естественное государство характеризуется устойчивыми внутренними институциональными структурами и способностью поддерживать организации элит вне непосредственных рамок государства» [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011, с. 107].

с. 40]. А «монгольское государственное право» (все принадлежит хану) привело к тому, что «не только о праве на собственность, но и о праве на собственную жизнь в таких условиях не могло быть и речи» [там же, с. 41]. Некоторые белорусские авторы, ссылаясь на Л. Гумилева, пишут, что Московия и Орда — это, в сущности, одно и то же, единое государство [Голденков 2014, с. 135], и рассматривают сражения ВКЛ и Московии как битвы двух культур (русской или славянско-европейской и ордынско-китайской) [Голденков 2015, с. 49–50].

Что касается «единого государства», то это, конечно, полемическое преувеличение, однако термин «иго» ставится под сомнение все чаще<sup>12</sup>. Если же говорить о самой Орде, то главное, на что необходимо обратить внимание, — на заимствование ордынцами при построении собственного государства ориенталистской (в первую очередь китайской) политической культуры того времени. «Административный аппарат империи Чингисхана комплектовался из китайцев и персов, поэтому Золотая Орда стала транслятором институтов “восточного деспотизма” стран Ближнего и Дальнего Востока...» [Нуреев, Латов 2016, с. 54]<sup>13</sup>. Впрочем, Р. Нуреев и Ю. Латов обращают внимание на большую роль заимствования Московией других политических культур Востока — византийской и османской [там же, с. 52]. Но именно «монголы навязали Руси иной, чем прежде, способ существования и уже тем самым задали иной вектор ее дальнейшего развития» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2005, с. 105].

Власть в северо-восточных славянских княжествах строилась, говоря современным языком, на основе франчайзинга — полученных от Орды лицензий (ярлыков) на управление на местах. Естественно, оно выстраивалось все более и более на ордынский манер, так как снижало

---

<sup>12</sup> «Иго» продолжает воспроизводиться в наших учебниках, чтобы закамуфлировать тот факт, что зависимость Северо-Восточной Руси от Золотой Орды есть результат сознательного выбора и целенаправленной политики князей» [Карацуба, Курукин, Соколов 2006, с. 42].

<sup>13</sup> «Завоевание Китая не прошло для монголов бесследно. В государственном строе, даже в менталитете Орды отразился дух древнейшей культуры Востока. Пролитившись на русскую землю, татарская кровь высадила восточный “государственнический вирус” на славянскую почву, где он и создал новую субкультуру» [Пастухов 2006, с. 8]. О проникновении китайской политической философии (конфуцианства) и соответствующего ему политического устройства в основания ордынского государства при хане Батые и его определяющем влиянии на становление типа московской государственности см. также: [Тюньдешев 2013].

его издержки (сказывалась китайская школа государственного менеджмента и сбора налогов, которая в те времена была, пожалуй, самой эффективной в мире). Взимать дань с населения вверенной территории в пользу центра внешнего управления было легче и проще единоличному и ничем не ограниченному правителю с выстроенной под него вертикалью власти, чем в условиях распределенных между князьями и боярами полномочий<sup>14</sup>. Эта жестко авторитарная модель впоследствии органически вбирала в себя из интернационального опыта все, что ей не противоречило, — хоть византийский цезарепапизм, хоть поместную систему у османов как основу формирования войска.

В то же время для институционально-исторического анализа не слишком важно, сколько ориенталистских моделей вобрала в себя Московия. Для него принципиально одно: Московия — это антагонистическая институциональная матрица по отношению к ВКЛ. Первая принадлежит Восточной цивилизации, вторая — Западной<sup>15</sup>. Это особенно хорошо видно, если несколько подробнее остановиться на фундаментальных институтах Московии и рассматривать их в сопоставлении с представленными выше институциональными характеристиками ВКЛ.

Во-первых, если воспользоваться известным определением К. Маркса, обратившего внимание на не похожий ни на какие европейские социальные порядки азиатский способ производства, то стоит указать на заимствованный им у Г. Гегеля тезис о «поголовном рабстве» [Маркс 1968, с. 485] на Востоке. Принципиальное отличие московского абсолютизма от европейского в том, что первый строился на принципе «беззаветного служения»<sup>16</sup>. Беззаветного — значит бездоговорного. Боярин принадлежал царю, который распоряжался им, в сущности, как вещью. Он не мог быть стороной договора, так как был начисто лишен собственной субъектности. Здесь, в отличие от ВКЛ, не было места для сделки

---

<sup>14</sup> Недаром боярский Великий Новгород с его самоуправленческими началами испытывал наибольшие трудности в выстраивании отношений с Ордой и не однажды бунтовал против дани.

<sup>15</sup> О принципиальных отличиях Западной цивилизации от прочих см., например: [Васильев 2000; Четвернин 2014; Фергюсон 2014]. Ряд названных Н. Фергюсоном важнейших качеств Западной цивилизации был в той или иной мере присущ ВКЛ (прежде всего конкуренция как децентрализация экономической и политической жизни, имущественные права) и, как убедимся, начисто отсутствовал в Московии.

<sup>16</sup> Не случайно шведский экономист С. Хедлунд характеризует Московию как «служилое государство» [Хедлунд 2015, с. 183].

(контракта), ибо второй стороны просто не существовало. Отсюда выражение «русский феодализм» — это оксюморон.

Боярин наделялся землей царской волей на условиях обязательного служения. Не стоит лишний раз упоминать о том, что эта воля в любой момент могла измениться: переместить боярина с одного места на другое, а то и вовсе лишить земли. Боярин же не мог отказаться от службы ни при каких обстоятельствах (уход от царя всегда рассматривался как тягчайшее преступление, в отличие от Европы, где, как известно, аристократы часто выбирали, какому королю подороже продать свои услуги). Поэтому его отношение к земле и близко не напоминало отношение к ней собственника или даже просто арендатора. Да и сама жизнь высокопоставленного подданного безраздельно находилась в руках царя. «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их также вольны»<sup>17</sup>. Выходцам из древних родов оставалось только предаваться воспоминаниям о былой и ныне полностью утраченной самостоятельности. Борьба с царской властью даже за минимальные личные права закончилась при Иване IV полным поражением боярства<sup>18</sup>. «Формирование зависимого от трона дворянского военно-служилого сословия оказало глубокое влияние на развитие Российского государства в целом. Русь все больше отдалялась от Запада» [Скрынников 1997, с. 232–233].

Как отмечают А. Ахиезер, И. Клямкин и И. Яковенко, в Московии утвердилась «идея божественного происхождения верховной власти без укоренившейся в культуре идеи законности» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2005, с. 150]. В результате сложилась политическая модель «отца-самодержца», в отличие от Запада, где абсолютные монархи были, скорее, «отцами-арбитрами». «Европейские короли не были монопольными собственниками, а потому не были и отцами-самодержцами» [там же, с. 177]. Эта природа «Русской власти», подчеркивающая одно из коренных отличий московитской модели от европейской цивилизации, еще не раз напомнит о себе в будущей истории страны.

---

<sup>17</sup> Из письма Ивана Грозного А. Курбскому в ответ на обвинения в жестокостях.

<sup>18</sup> Вот как посетивший Московию вскоре после смерти Ивана Грозного англичанин Дж. Флетчер описывал положение когда-то владетельных княжеских родов: «Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и проч. И оставив им одно название, он (Иван Грозный. — А. З.) дал им другие земли на праве поместном (как оно здесь называется), владение коими зависит от произвола Царя...» [цит. по: Пайпс 2001, с. 231].



Во-вторых, к вопросу о городах. Слово — одно, но стоящее за ним содержание на Западе и Востоке очень различается. В западноевропейском смысле города в Московии отсутствовали. Как пишет Р. Пайпс, западноевропейский город способствовал образованию трех институтов: частной собственности, самоуправления и независимого судопроизводства, общего гражданства (обладания всеми жителями равными гражданскими правами) [Пайпс 2001, с. 236]. В то время как в Московии «все подвластные великому князю земли были его вотчиной, исключения не допускались» [там же, с. 237]. Поэтому воздух городов Московии не делался свободным. «Города срединной России превращались в военно-административные аванпосты, не отличавшиеся ни особым хозяйственным устройством, ни особыми правами. Они были не оазисами свободы в несвободном обществе, а сколками, микрокосмами самого этого несвободного общества» [там же]. Город в Московии отличался от европейского города примерно так, как военный лагерь отличается от торгового дома.

Не случаен многолетний конфликт Московии с Новгородом. Борьба против него была таким же столкновением цивилизаций, как и борьба против ВКЛ. Схваткой ордынского порядка с разновидностью европейского мироустройства того времени. Можно сказать, ее бравурной увертюрой. Достаточно вспомнить грандиозный поход на Новгород Дмитрия Донского (1387 г.). Новгородцы откупились от него уплатой дани («черным бором»).

О европейской ориентации Новгорода, кроме всех прочих широко известных фактов организации его внутренней жизни, говорит активное участие города в Ганзейском союзе (чем-то он напоминал далекое будущее — договоры о свободной торговле, на базе которых в XX в. в послевоенной Европе сложился Общий рынок, а потом и Евросоюз). Однако еще более о близости к европейской модели свидетельствует история, предшествовавшая покорению города Иваном III.

Для начала заметим, что в XV в. Новгород приглашал князей главным образом из ВКЛ (родственников великих князей литовских), по всей видимости, не без оснований опасаясь, что князья из земель московских будут покушаться на его вольности. Литовцы подходили больше, так как ограничения на властные полномочия были им хорошо знакомы на родине. Накануне рокового столкновения с Иваном III непрекращающееся давление Московии вынудило новгородцев сделать решающий шаг по вхождению в состав Польского королевства и ВКЛ. Был уже подписан соответствующий договор, отражавший настроения

многих жителей города<sup>19</sup>. В случае его реализации на практике Новгород был бы надежно защищен от Московии. Для предотвращения этого требовалось срочное военное вмешательство, которое, как известно, состоялось и было успешным<sup>20</sup>. Вслед за этим последовала программа «промосковских» институциональных преобразований, очень четко и лаконично изложенная в ответе побежденным новгородцам<sup>21</sup>.

В-третьих, в отличие от ВКЛ и Польши (потом — Речи Посполитой) в Московии отсутствовали регулярно работающие представительные органы власти. «Законодательные функции Боярской думы и приказных ведомств были ограничены. Источником закона было не право, а монаршая воля» [Скрынников 1997, с. 272]. Несколько возросла роль Земских соборов сразу после Смутного времени. В 1613–1622 гг. они работали даже на постоянной основе. Однако это можно оценить, скорее, как отклонение от общего тренда в силу чрезвычайных обстоятельств. Уже ближе к середине XVII в. их роль в политической системе сошла на нет (когда в 1645 г. Михаил Романов умер, Земский собор для избрания нового царя созывать не стали; «земская монархия» закончилась), а «отеческое самодержавие» вернулось в тех же объемах и с теми же полномочиями, что и при Иване IV (Грозном). «Участие “всей земли” в воссоздании государственности привело к восстановлению старого варианта политического устройства» [Карацуба, Курукин, Соколов 2006, с. 141–142]. «Русская матрица» одержала убедительную победу, доказав свою паразитическую живучесть.

---

<sup>19</sup> Из обращения Марфы Борецкой («Посадницы») к новгородцам: «Не хотим за великого князя Московского, ни зватися отчиною его. Волные есмы люди, Велики Новгород. А московский князь велики многи обиды и неправду над нами чинит. Но хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимера» [цит. по: Карацуба, Курукин, Соколов 2006, с. 101]. Новгородцы «почти совсем отступили от московского великого князя к королю Казимиру» [Карпов 2015, с. 90]. Интересно, что в предисловии к книге российского историка XIX в. Г. Карпова (1839–1890) доктор исторических наук Л. Е. Морозова утверждает: «Присоединение Новгорода Иваном III было вынужденной мерой (курсив мой. — А. З.) для предотвращения захвата (курсив мой. — А. З.) города польским королем» [там же, с. 8].

<sup>20</sup> Проводя параллели с современностью, можно сказать, что Новгород устремился в «НАТО» того времени: союз ВКЛ и Польши (Кревская уния, 1385 г.).

<sup>21</sup> «Наше государство великих князей таково: “Вечевому колоколу в Новгороде не быть, посаднику не быть, а государство нам держать; волостям и селам быть как у нас в Низовой земле; а которые земли наши великих князей за вами, и то было бы наше”» [цит. по: Карпов 2015, с. 124]. Вот такое было положено начало «европейскому столетию России», которое каким-то непостижимым образом увидел в 1480–1560 гг. историк А. Янов [Янов 2008].

В-четвертых, заметим, что Московии и в правовой области нечего выставить против ВКЛ с ее Статутом 1588 г. Точнее, выставить есть что, но это будет нечто ему противоположное. Спустя 61 год появилось Соборное уложение (1649 г.). Оно подводило «юридический фундамент под военно-бюрократическую “вертикаль власти”» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2005, с. 233] и «окончательно сформировало систему государственного крепостного права в России» [Скрынников 1997, с. 437]. Россия вошла в мир неправового законодательства, которое растворяло человека в государственной воле и не наделяло его какими-либо неотчуждаемыми правами.

В-пятых, не лишне напомнить, что Московия менее всего отличалась религиозной толерантностью. Ставшая после гибели Византии «третьим Римом», она не терпела каких-либо отклонений от фактически огосударственного православия. Не углубляясь в подробности, достаточно указать на историю Раскола. Не принявшее изменений старообрядчество было объявлено еретическим. Указ 1684 г. предписывал всех отказывавшихся посещать церкви «пытать и разыскивать накрепко»; упорствующих «если не покорятся, жечь в срубе и пепел развеять» [Карацуба, Курукин, Соколов 2006, с. 162–163]. Не меньшей нетерпимостью обладала и другая сторона. «Для русского религиозного сознания было немыслимо даже малейшее изменение в священных текстах или в Символе веры» [там же, с. 159]. Сравните это с Брестской унией. И ведь никто в униаты в ВКЛ никого насильно не загонял, за религиозный плюрализм не преследовали.

И, наконец, в-шестых, о просвещении и культуре. Об университетах не могло быть и речи. Первый университет (Московский) появился только в куда более поздний императорский период — в 1755 г.<sup>22</sup> Богословские споры не велись, а если разногласия и возникали, то заканчивались искоренением несогласных. Можно вспомнить о судьбе Максима Грека в частности и нестяжателей в целом. Между прочим, один из лидеров нестяжателей (Феодосий Косой) сбежал из-под стражи в Литву в 1554 г. и там развернул, говоря современным языком, «пропагандистскую деятельность». В остальном дела обстояли не намного лучше. Достаточно сказать об Иване Федорове, который, будучи изгнан из Москвы, успешно продолжил свое дело в Речи Посполитой.

---

<sup>22</sup> Россия до сих пор настолько ощущает свою ущербность в этом вопросе, что потребовалось официально фальсифицировать подлинную дату основания Санкт-Петербургского университета (1819 г.) и состарить его почти на 100 лет, привязав основание к учреждению так называемого Академического университета в 1724 г.

Рассмотренные различия «двух миров» — ВКЛ и Московии — представлены в *табл. 1*.

*Таблица 1. Великое княжество Литовское и Московия: институциональные антиподы*

<b>Великое княжество Литовское: западноевропейский феодализм</b>	<b>Московия: восточный деспотизм</b>
Договорный принцип (вассалитет): суверенитет личности	«Поголовное рабство»: боярин — холоп всевластного царя
Вольные города: Магдебургское право	Города — узловые точки региональной администрации единоличной царской власти
Аристократическая республика: Сейм	Бесправная Боярская дума и несостоятельный Земский собор
Статут 1588 г.: гражданские права вольного населения	Соборное уложение 1649 г.: законодательное оформление бесправия
Религиозный плюрализм	Монополия государственного православия
Просвещение: университет, положительное отношение к распространению знаний	Обскурантизм

С эпохи Ивана III разворачивается активное наступление Московии на чуждую ей «институциональную матрицу» ВКЛ. «Московское государство было в то время точно сухая губка, которая всасывает в себя всякую жидкость, к какой только прикасается. Новгородом оно не могло удовлетвориться, потому что после предъявило притязания на всю Русь» [Карпов 2015, с. 135]. Это притязание религиозно-мессианское по форме (необходимо донести переданную упокоившейся Византией эстафетную палочку истинной веры до финиша), но институционально-конкурентное по содержанию: нужно лишить сложившийся под боком более эффективный в плане гражданских институтов организм привлекательности для собственной элиты. В противном случае устремления ряда ее представителей к более гарантированному существованию за счет наделенности правами собственности могли подорвать всю московскую модель властных отношений, а следовательно, безграничную свободу произвола тех власть имущих, кто ценит ее выше, чем более «приземленные» жизненные блага. Упоение властью часто более беспредельно, чем наслаждение богатством.

Естественно, что эта институциональная и идеократическая агрессия Московии вызвала сопротивление со стороны подвергавшейся ей приверженцев альтернативного образа жизни. «Жители Литовского княжества познали вкус свободы, собственные великие князья и короли щедро жаловали подданных привилегиями и вольностями. Без особых на то причин никто не желал соединиться с восточными братьями, никто не стремился попадать на пшеничное поле, где колосья немного выше других безжалостно вырывались с корнем. И разгорелась жестокая длительная борьба между двумя русскими государствами» [Левицкий 2015, с. 87].

Столкновение ВКЛ и Московии — это столкновение двух миров. В XX в. оно воспроизвелось в новых формах и уже в глобальном масштабе. Однако в пору кратко сказать и о том, что происходило в историческом прошлом на территориях, которые относятся ныне к странам Балтии, но не входили в состав ВКЛ. Территория Ливонской конфедерации с XIII в. представлена землями Ливонского ордена, архиепископства Рижского и нескольких епископств. На севере современной Эстонии располагались земли Датского королевства. Земли распределялись на принципе вассалитета и доставались обычно тем, кто сражался на стороне той или иной властной структуры. Рига имела собственный орган управления, состоявший из совета, в котором было 12 (позже 20) членов. Глава этого совета считался в городе первым лицом. Город также имел земли за своими пределами и вел постоянную борьбу с архиепископством. В Конфедерации были и другие города (Цесис, Валмиера, Вентспилс, Кулдига, Валка, Лимбажи, Кокнесе, Страупе, Тарту, Таллинн), которые укрепились благодаря членству в Ганзейском союзе. В то же время города Конфедерации сохраняли вассальный статус по отношению к ордену или церкви, но постоянно, хотя и безуспешно, стремились уйти из-под их юрисдикции [Плаканс 2016, с. 74, 95].

В начале XV в. борющиеся друг с другом стороны в составе Ливонской конфедерации осознали, что их споры могут быть разрешены в региональном подобии парламента. В ландтаг вошли представители церкви, Ливонского ордена, наиболее крупных вассалов этих двух структур и городов. В то же время он собирался спорадически и был не очень эффективен. Собирали свои ландтаги и наиболее крупные корпорации. В 1554 г. ливонский ландтаг провозгласил «свободу религии». Это означало, что в Конфедерации могут сосуществовать католичество и лютеранство [там же, с. 54].

В конце XV — начале XVI в. произошел ряд военных столкновений Конфедерации с Московией. Однако тогда москвиты потерпели неудачу

и сосредоточились на войнах с ВКЛ. Ливонская конфедерация исчезла в результате Ливонской войны. К концу ее (1582–1583 гг.) территория Конфедерации по мирному договору была поделена между монархами Дании, Швеции и Речи Посполитой. В XVII в. Дания была вытеснена с этих территорий Швецией. В середине XVII в. Московия глубоко вторглась на эти шведские владения, но в конечном счете потерпела поражение и территории остались за Швецией (до завоевания их Петром I в XVIII в.).

В оценке Ливонской конфедерации, датских и шведских территорий трудно быть столь однозначным, как в случае ВКЛ и впоследствии Речи Посполитой. Во-первых, из-за большого разнообразия политических режимов. Во-вторых, из-за того, что по отношению к этническим немцам местное (коренное) население занимало явно низшее положение. Это было в основном крепостное крестьянство, и не так часто его представители выбивались «наверх», в свободные слои населения. В то же время нельзя не заметить, что Ливонская конфедерация не являлась моделью восточной деспотии, хотя и не представляла образцовых европейских институтов тех лет. В этом плане она явно уступала ВКЛ. Важное значение имел период нахождения части территорий в составе Датского королевства и особенно королевства Швеции. В XVII в. Швеция предпринимала усилия по облегчению крепостного состояния местного населения, хотя и не очень успешно. В 1632 г. по указу шведского короля Густава II Адольфа в Дерпте (Тарту) учреждается университет. До присоединения этих территорий к России общий вектор их развития был явно европейским.

Теперь придется перескочить большой исторический отрезок пребывания территорий стран Балтии в составе Российской империи. Не вникая ни в какие подробности, заметим относительно его только два обстоятельства: а) сохранение в течение всего или части периода некоторых институтов европейской модели на землях, занимаемых современными странами Балтии; б) более ранняя отмена на большей их части крепостного права (в эпоху Александра I). Сохранение элементов европейской модели облегчалось значительно и тем обстоятельством, что со второй половины XIX в. началась довольно значительная вестернизация и самой Российской империи. К Первой мировой войне она подошла полуконституционной монархией и страной, где активно проводились про-капиталистические экономические реформы. Степень насыщения России альтернативными ее цивилизационной природе институтами была едва ли не высшей за весь период существования (сравнение может быть только с 1990-ми гг.).

В результате революции и гражданской войны 1917–1920 гг. Россия совершила резкий поворот в прошлое. Московия встала из небытия, но уже в совершенно новой оболочке, сотканной из заимствованных с Запада коммунистических идей. «Русская матрица» трансформировалась — можно сказать, даже серьезно модернизировалась, — но что очень важно не упускать из вида: самые фундаментальные свои качества она сохранила. Появилось то, что автор этого препринта называет традиционным обществом современного типа в первой версии (ТОСТ-1.0)<sup>23</sup>. Произошла неевропейская, «параллельная» модернизация, когда создается то, что в XX в. было названо тоталитарным государством или тоталитаризмом. «Тоталитаризм есть реакция традиционного общества на техногенную цивилизацию с использованием всех приобретений этой цивилизации для воскрешения прошлого» [Кантор 2007, с. 110].

Программы построения социализма (что российского коммунизма, что немецкого национал-социализм) американский исследователь глобализации Б. Линдси назвал программами «назад в будущее»: «Адепты централизации привлекали симпатии масс призывом “назад в будущее”, обещая все достижения науки и техники через возврат к архаическим социальным ценностям» [Линдси 2006, с. 47]. «Коллективизм сулил избавление — возврат к стародавним ценностям деревенской жизни, к чувству общности и укорененности, утраченному в ходе индустриализации» [там же, с. 154]. В то же время «призывы к централизованному планированию <...> обещали с помощью политических действий восстановить сплоченность деревенской, общинной, жизни» [там же, с. 115].

Тоталитаризм XX в. можно определить как государство-общину индустриальной эпохи, которое подобно огромной матрешке охватывает собой всех подданных и вмещает в себе много своих уменьшенных копий: регионы, заводы и фабрики, НИИ, вузы, школы, колхозы и т. д. Традиционное для российского бытия сельское общинное начало переуплотилось в идеократическое государство, развернувшее грандиозную индустриализацию ради милитаризации на уровне передовых научно-технических достижений своего времени. Недаром в шутку говорят, что у СССР не было военно-промышленного комплекса, так как сам СССР был таковым. И этой отрасли приносились громадные жертвы во имя транспонированной мессианской цели — коммунизм во всем мире. Очевидно, что все это корнями уходило очень глубоко: в ту самую Московию,

---

<sup>23</sup> Подробнее об этом см.: [Заостровцев 2015, 2017а, 2017б].

которая вышла из Орды как государственное образование и, «осиротев» идеологически после падения Византии, взялась силой раздвигать свои границы в качестве реализации сакральной задачи по «спасению человечества» (для начала в лице соседей). Сталинский социализм внес в индустриальную эпоху как служилый труд, так и сословность общества (партию и ее номенклатуру). В идеале в нем каждый растворяет свою субъектность в целом, а это целое определяет его мысли и поступки. И оно — не абстрактное государство, а все тот же отец-самодержец, только работающий на другого бога («объективные» законы истории). Он направляет общую волю на их воплощение в земных свершениях и, как следствие, становится демиургом исторического процесса<sup>24</sup>.

Для настроенных на европейский вектор развития мыслителей все это предстает как «пещерное варварство», провал в никуда. И хотя европейская цивилизация сильно болела социализмом, ее основы в XX в. устояли. Спротивление зарождающемуся ГОСТ-1.0 и на территории Российской империи было достаточно сильным. Однако на большей ее части его сил не хватило, и путешествие «назад в будущее» состоялось. В то же время был и свой «остров Крым»: это те регионы империи, где основы европейской цивилизации, построенной на правовых началах личного суверенитета («самопринадлежности»), все-таки устояли. Не секрет, кто они: Финляндия, Польша, Литва, Латвия, Эстония. Если взглянуть на восточные границы этих стран в межвоенный период, то нетрудно заметить, что они близки (пусть и не до конца) к восточным границам Речи Посполитой и Шведского королевства в XVII в.

Выделение в независимые национальные государства Польши и Литвы можно назвать вторым расхождением с Востоком (если за первым принять вхождение в них княжеств бывшей Киевской Руси, их уход от Орды). Для Эстонии и большей части Латвии это стало первым расхождением, ибо они в силу особенностей географического положения и исторического пути в те времена ни от кого не уходили. Орда не особо стремилась к доминированию в этом регионе, и присутствовавшим там государственным образованиям не приходилось делать экзистенциальный выбор между Востоком и Западом.

---

<sup>24</sup> «С точки зрения культуры, сталинистский режим был триумфом скрытых форм русской политической традиции, заглушенных было вестернизацией конца XIX — начала XX в., но мстительно оживших, как только динамика революционного цикла позволила обернуться назад» [Даниелс 2011, с. 303].



То, что происходило в СССР между двумя мировыми войнами, известно очень хорошо. Гораздо менее известна жизнь в странах Балтии. Особенно ее социально-экономический аспект. В условиях демократии, а потом и сравнительно мягкого авторитаризма там шли аграрные реформы, на основе разделения поместий создавались частные крестьянские хозяйства. В то же время «философия свободного рынка не занимала главенствующего места в экономическом мышлении политиков» [Плаканс 2016, с. 340]. Ко второй половине 1930-х гг. в Балтии сформировалось то, что сегодня называют *crony capitalism* (кумовской капитализм), где нерыночные факторы во многом определяют успех и путь к богатству. «Это был не вполне государственный социализм, но и не система, где конкуренция и личные заслуги приобретают особую важность для развития крупного предпринимательства. Здесь конкуренция являлась актуальной лишь для небольших частных предприятий и розничных магазинов» [там же, с. 341]. Во многом лидеры Литвы, Латвии и Эстонии (А. Сметона, К. Ульманис, К. Пяте) вдохновлялись опытом корпоративного общества Б. Муссолини, о чем имеется достаточно свидетельств. Во второй половине 1930-х гг. экономики этих стран становились все более похожими на корпоративный социализм современной им Италии [Зубкова 2008, с. 37–40]. Однако, конечно, еще не стали таковым.

Разумеется, страны Балтии того исторического периода не имели ничего общего с коммунистическим тоталитаризмом, где господствует над всеми и всё определяет партия-государство. В Латвии (наиболее «красной» из трех стран) социализм продержался на части ее территории лишь полгода — с декабря 1918 г. по май 1919 г. (Латвийская Советская Социалистическая Республика Петериса Стучки). При этом «белое правительство» обосновалось в Лиепая. В Нарве (Эстония) в конце ноября 1918 г. был опыт провозглашения Эстляндской трудовой коммуны. Для истории все это осталось эпизодическими явлениями. Свободные выборы в дальнейшем показывали, что лишь меньшинство поддерживает программы коммунистов и близких к ним партий.

И здесь снова придется перескочить через исторический отрезок, когда эти страны находились в составе СССР. Советский социализм принесли им не свободные выборы и даже не восстания собственных сторонников большевиков. Его принесла Красная (Советская) армия. О том, что его далеко не приветствовали, говорит движение сопротивления, развернувшееся во всех трех странах. СССР важно было устранить ключевых носителей альтернативной ментальной модели. Отсюда репрес-

сии и депортации, которые имели место не только до нападения Германии на СССР. В 1948–1949 гг. около 40 тыс. человек были депортированы из Литвы в Сибирь, в марте 1949 г. примерно 40 тыс. — из Эстонии, а 44 тыс. — из Латвии [Плаканс 2016, с. 374].

Сталинская практика в точности повторяла такие же шаги московских царей, которые начали их предпринимать сразу после покорения Новгорода (только тогда это называлось не иностранным словом «депортация», а выводами). Имели место они и по отношению к захватываемым территориям в ВКЛ<sup>25</sup>. Ливонские земли не избежали их во время походов армии Петра I<sup>26</sup>. Депортации, совершавшиеся российскими деспотами во все времена, есть одновременно и свидетельство в пользу концепции «культура имеет значение». Эти деспоты интуитивно гораздо лучше разбирались в институциональной экономике, чем те современные авторы, которые пытаются задвинуть культуру (менталитет) на второй план, а то и вовсе без нее обойтись в объяснении хода истории.

Тем не менее сталинские репрессии не уничтожили негодные коммунистической модели неформальные институты в странах Балтии. Они оставались живы и передавались из одного поколения в другое. Проживавшие там представители коренного населения однозначно считали себя европейцами, а институты социалистического общества — от партии-государства до централизованного планирования — чем-то противоестественным и абсолютно чуждым природе разумного человека. Их отторжение не замедлило произойти, как только зашатался Советский Союз. Движение Балтии по пути национально-государственного возрождения отметало «Русскую матрицу» полностью и довольно бескомпромиссно. Об этом говорят и успехи постсоциалистических институциональных преобразований.

## Последнее расхождение

Для Литвы оно третье по счету, для Латвии и Эстонии — второе. За прошедшее время с последнего расставания очень четко обозначился цивилизационный разрыв стран Балтии и России. Он проявляется пре-

---

<sup>25</sup> Во время войны Московии с Речью Посполитой в середине XVII в. около 300 тыс. литвинов было выведено в Московию [Голденков 2014, с. 158].

<sup>26</sup> В Россию таким образом даже попал переводчик Библии на латышский язык знаменитый пастор Эрнст Глюк [Плаканс 2016, с. 133].

жде всего в состоянии институциональной среды. Начнем с политических институтов.

Демократия как представительное правление и как гарантия суверенных прав граждан — наиболее характерный для Западной цивилизации институт. Разумеется, сейчас сравнительно высокими рейтингами демократии отличаются и некоторые страны, ранее весьма далекие от нее. Тем не менее успешный импорт демократических политических конструкций в эти страны говорит нам лишь о том, что западные институты обладают известной универсальностью в качестве условий устойчивого развития. Воспринявшие и надолго внедрившие их у себя ранее традиционно представлявшие Восток страны «сменили пол»: отошли к Западу.

На постсоветском же пространстве бывшего СССР происходит цивилизационный разлом: одни страны определенно обозначили свое место как часть европейского пространства, другие — колеблются, третьи — с большей или меньшей уверенностью заняли свое место в альтернативной европейской цивилизационной модели. Для нас, понятно, в данном случае представляют интерес Россия и страны Балтии. Первая, немного поколебавшись, совершила в XXI в. дрейф ближе к своим корням, на Восток; вторые с самого начала шагнули в Европу и в XXI в. окончательно там укрепились. Этот факт очень хорошо иллюстрирует *рис. 2*, где видно смещение России к Казахстану и постоянное нахождение двух балтийских стран (Эстонии и Литвы) на противоположном полюсе (Латвия занимает место посередине между Эстонией и Литвой и поэтому на рисунке не представлена).

Согласно принятой *Freedom House* в проекте *Nations in Transit* (Страны переходного периода) классификации, оценка в интервале 1,00–2,99 означает принадлежность к консолидированным демократиям, 3,00–3,99 — к полуконсолидированным демократиям, 4,00–4,99 — к переходным или гибридным режимам, 5,00–5,99 — к полуконсолидированным авторитарным режимам, 6,00–7,00 — к консолидированным авторитарным режимам [Freedom House 2017]. Если посмотреть на российский тренд в XXI в., то нетрудно заметить, что в обзоре 2003 г. (отражает реальное положение в предшествующем, т. е. 2002 г.) Россия оказалась в группе гибридных режимов (единственный раз за все текущее столетие). Ее разрыв в баллах с Казахстаном составил тогда 1,21. В дальнейшем этот разрыв имел явную тенденцию к сокращению по мере того, как Россия переходила в категорию полуконсолидированных авторитарных, а потом — с 2009 г., — и в категорию консолидированных авторитарных

режимов. В обзоре 2017 г. он составил лишь 0,07 балла, т. е. российский рейтинг практически не отличим от казахского. Российская «внутренняя Степь» в очередной раз взяла верх над «вялым пунктиром европеизации» [Пелипенко 2012, с. 73].

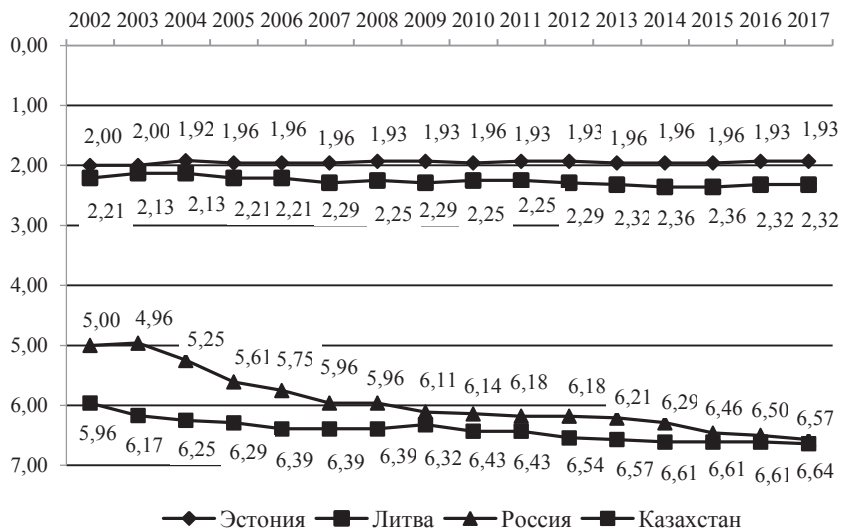
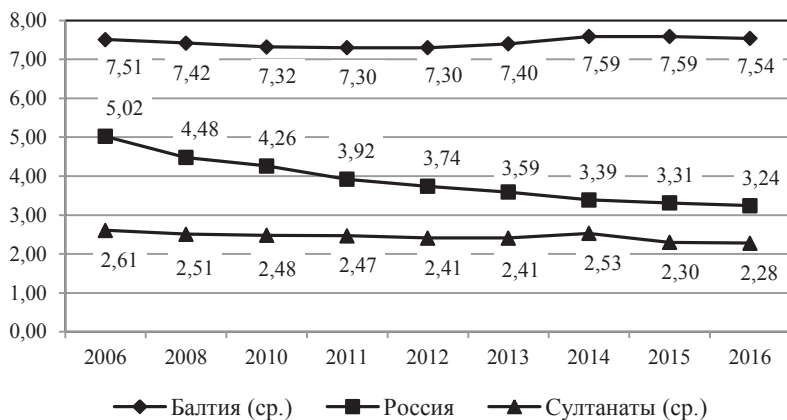


Рис. 2. Динамика оценки общего состояния демократии (*overall democracy*)  
 Источник: [Freedom House 2017].

Аналогичная картина наблюдается и в том случае, если обратиться к другому международному рейтингу состояния демократии — Индексу демократии, рассчитываемому *Economist Intelligence Unit* (исследовательское подразделение журнала *Economist*). Индекс оценивает пять главных компонент: электоральный процесс и плюрализм, функционирование правительства, участие в политике, политическую культуру, гражданские свободы. Его значение находится в интервале от 0 до 10 (где 10 — высший балл), и на его основе страны делятся на следующие группы: от 8,0 до 10,0 — полные демократии, от 6,0 до 7,99 — ущербные демократии (*flawed democracies*), от 4,0 до 5,99 — гибридные режимы, и меньше 4,0 — авторитарные режимы [Economist Intelligence Unit 2017].

Индекс отсчитывает свое существование с 2006 г., тем не менее он убедительно показывает эволюцию России в направлении тех стран бывшего СССР, которые можно определить как постсоветские султана-

ты. К последним следует отнести регион Центральной Азии (за исключением Киргизии) и добавить Азербайджан. На *рис. 3* представлены средние значения Индекса за 2006–2016 гг. для этих стран в сравнении с российскими показателями и средними показателями трех стран Балтии (Эстонии, Латвии и Литвы).



*Рис. 3. Индекс демократии и его динамика (2006–2016)*

Источник: [Economist Intelligence Unit 2017].

И здесь Россия перемещалась из категории «гибридный режим» в категорию «авторитарный режим», причем последний с каждым годом ужесточался. В 2006 г. (в реальности — в 2005 г.) отставание от западных демократий в лице трех балтийских стран составляло 2,49 балла, но и опережение султанатов было значительным — 2,41 балла. Таким образом, Россия находилась посередине между европейской и азиатской моделями. Но это положение оказалось неустойчивым равновесием: ситуация, которую показывает Индекс-2016, отражающий реальность 2015 г., отличается радикально. Отставание от стран Балтии составило 4,30 балла, а опережение султанатов — только 0,96 балла. И, скорее всего, в предстоящий очередной срок правления В. Путина оно станет еще меньше, если вовсе не сойдет на нет.

Как было отмечено ранее, согласно *Economist Intelligence Unit*, оценка состояния демократии включает такой элемент, как демократическая политическая культура. Россия постоянно демонстрирует катастрофические результаты по этому показателю. В Индексе демократии-2016 в ко-

личественном выражении он был на том же уровне (2,5 балла), что и у таких стран, как Афганистан, Пакистан и Центральнаяафриканская республика. Ниже он оказался только у двух стран, и одна из них — Северная Корея. Даже в постсоветских султанатах он выше (Казахстан — 4,38, Азербайджан — 3,25). Не говоря уже о странах Балтии (Эстония — 6,88, Латвия — 6,88, Литва — 6,25) [Ibid.].

В значительной степени эти низкие результаты России обусловлены доминирующим общественным мнением относительно допустимости диктаторского правления, продемонстрированным в глобальной программе *World Values Survey* (2010–2014 гг.)<sup>27</sup>. Сравним результаты России и Эстонии (в обеих странах опрос проходил в 2011 г.). Особо важно, что в России опрос имел место до так называемых крымских событий, после которых, как известно, усилилась тяга россиян к вождизму. Респондентов спрашивали, как они относятся к сильному лидеру, не зависящему от парламента и выборов. В *табл. 2* представлены итоги опроса.

**Таблица 2. Россия и Эстония: отношение к диктаторскому правлению**

	Россия	Эстония
Очень хорошо	26,0	7,4
Скорее хорошо	41,0	21,8
Плохо	16,1	34,1
Очень плохо	5,4	27,3
Не знаю	10,4	8,9
(N)	2500	1533

Источник: [World Values Survey 2010–2014].

Из *табл. 2* видно, что в России 67% опрошенных в той или иной степени одобряют диктаторское правление, в Эстонии — 29,2%. И, напротив, в той или иной мере плохо относятся к нему 21,5% респондентов в России и 61,4% — в Эстонии. Результаты, можно сказать, диаметрально противоположны.

Политическая культура — очень важная составляющая неформальных институтов, которая наполняет реальным содержанием институты

<sup>27</sup> В своих оценках демократичности политической культуры *Economist Intelligence Unit* опирается главным образом на данные программы *World Values Survey*.

формальные. Если она не включает в себе демократические ценности, то учреждения демократии рано или поздно превращаются в пустую оболочку. То, что такое превращение произошло в России, совсем неудивительно. Удивительно было бы, если бы всё оказалось наоборот, поскольку «российскому сознанию принципиально чужда идея источника полномочий власти как общественного договора, контракта, удовлетворяющего интересы различных сторон» [Тульчинский 2015, с. 58].

То, что это так, регулярно подтверждает не только программа *World Values Survey*, но и другие социологические исследования. По данным опроса, который был проведен в 2015 г. немецким Фондом имени Ф. Науманна при поддержке Левада-Центра, больше половины жителей РФ не считало для себя важными такие европейские ценности, как свобода, демократия, правовая государственность и соблюдение прав человека. По-настоящему важными эти ценности называли только 8% россиян [Жолквер 2015].

Дивергенция стран Балтии и России очень заметна при обращении к изучению состояния такого института, как верховенство права. В программе Всемирного банка *Worldwide Governance Indicators* Россия оказалась даже позади двух постсоветских султанатов — Казахстана и Азербайджана (табл. 3), тогда как страны Балтии дружно вырвались далеко вперед.

Таблица 3. Верховенство права

	Баллы (от -2,5 до +2,5)*	Перцентильный- ранг	Стандартное отклонение
Эстония	1,24	86,54	0,15
Литва	1,02	81,73	0,16
Латвия	0,95	80,29	0,16
Казахстан	-0,42	34,62	0,14
Азербайджан	-0,57	31,73	0,16
Россия	-0,80	21,15	0,14
Узбекистан	-1,13	11,06	0,16
Таджикистан	-1,18	10,58	0,16
Туркменистан	-1,56	5,29	0,17

\* Единицы стандартного нормального распределения с равным 0 средним значением и занимающими интервал от -2,5 до +2,5 (большее значение отвечает лучшим результатам).

Источник: [World Bank 2017].

Похожая картина наблюдается и с состоянием прав собственности. Все та же тройка впереди. Согласно Международному индексу прав собственности (*International property rights index*), Эстония занимает 25-е место в мире, Литва — 50-е, Латвия — 63-е из 120 вошедших в рейтинг стран, тогда как Казахстан на 102-м месте, Россия — на 111-м (т. е. в нижней десятке) [Property Rights Alliance 2017]. Литва и Латвия в вопросе прав собственности в глобальном рейтинге «средняки», но все равно значительно опережают и Казахстан, и Россию.

И опять же такое расположение совсем не случайно. В 2010 г. была опубликована статья, где рассматривалось отношение к приватизации в бывших социалистических странах. В целом оно было везде не очень благожелательным, но и в этом случае в странах Балтии приватизация принималась более благосклонно, чем, например, в России и Казахстане. На вопрос «Что надо делать с большинством приватизированных предприятий?» 44 % опрошенных эстонцев ответили: «Оставить у нынешних владельцев». Их поддержали 26,8 % литовских респондентов и 26,6 % — латышских. В то же время этот ответ давали 18,5 % россиян и 12,5 % респондентов из Казахстана. Параллельно предлагался и такой вариант ответа: «Национализировать и оставить у государства». В его пользу высказались 22,4 % в Эстонии, 19,1 % в Латвии и 17,6 % в Литве. В России это мнение поддержали 36,7%, в Казахстане — 47,5 % [Denisova et al. 2010, p. 26]. Добавим, что, например, в Эстонии только 6,2 % полностью согласны с тем, что государственная собственность в бизнесе и промышленности должна быть увеличена, в России — 23,0 % (почти в 4 раза больше!) [World Values Survey (2010–2014)].

В целом же российские граждане устойчиво предпочитают систему, основанную на государственном планировании и распределении, системе, основанной на частной собственности и рынке. Причем число сторонников последней сокращается. Если первую в 2000 г. и в 2016 г. поддержали 52 % респондентов, то поддержка ее антипода за эти годы сократилась с 33 % до 26 % [Левада-Центр 2016]. И не зря же говорят: «Как судно назовешь, так оно и поплывет». Российская экономика все более превращается в огосударвленную. Достаточно обратить внимание на сектор нефтедобычи<sup>28</sup>. Конечно, можно утверждать, что причина этого — действия групп интересов, их стремление к извлечению ренты (*rent extraction*), которому не могут противостоять слабые политические и институциональные огра-

---

<sup>28</sup> В 2006 г. доля государства в добыче нефти составляла 8 %, тогда как в настоящее время она превышает 50 % [Казначеев 2017].



ничения [Gel'man 2017]. Однако при таком объяснении (верном в первом приближении) остается невыясненной первопричина подобного положения дел. Почему институционально-политические ограничения для извлечения ренты «слабые»? Что мешает им стать сильными? Без обращения к фундаментальным неформальным институтам вряд ли можно дать исчерпывающий ответ на эти и многие другие вопросы.

Не вдаваясь ни в какие детали, позволим следующее утверждение: массовые ценности и убеждения ведут к восприятию этого «извлечения ренты» посредством огосударствления ключевых отраслей как укреплению великодержавного начала, служащего некой высшей миссии. Это дает принципиальное оправдание данному процессу, даже если попутно часть огосударствленных денежных потоков оседает в частных карманах (что для большинства не секрет). Эффективный ЮКОС в частных руках М. Ходорковского, П. Лебедева и др. — это вызов общественному идеалу служения; неэффективная «Роснефть» под руководством И. Сечина и других «государственных людей» — это следование указанному выше идеалу, пусть и не столь успешное, как хотелось бы видеть массовому человеку в его представлениях о совершенном мире державного величия. Но (особо подчеркнем!) при всех издержках во втором случае у большинства людей не возникает «когнитивного диссонанса»: они солидарны с государственным целеполаганием и поэтому рассматривают контролируемые государством ресурсы чуть ли не как свои<sup>29</sup>. А вот с коммерческими устремлениями частных лиц у людей нет ничего общего, пусть те и платят в казну реально куда больше налогов с единицы выпуска, чем какой-нибудь государственный гигант.

И тут самое время вернуться к расхождению цивилизаций. И хотя бы в первом приближении обозначить его основу. Таковой можно считать ключевой неформальный институт «Русской матрицы», который, естественно, начисто отсутствует в странах Балтии. Философ и культуролог А. Пелипенко в том, что он называл «Русской матрицей» (в сущности, это неформальное институциональное ядро системы), выделял в каче-

---

<sup>29</sup> В этом, на наш взгляд, кроется необъяснимый для многих либеральных исследователей феномен восприятия *homo sovieticus* приватизации 1990-х как чуть ли не крахи его личного имущества. Руководившие ранее страной коммунисты направляли экономику на одобряемые им «державные цели», что придавало ему ощущение «общенародности» собственности. В конце эпохи так называемого развитого социализма казалось, что это лишь пустой идеологический штамп. Приватизация 1990-х показала, что за ним скрывалось хоть и неявное, но реальное и достаточно массовое убеждение.

стве первой и главенствующей ее компоненты имперство. «Под имперством имеется в виду идеократический проект установления должного мирового порядка в форме безраздельного господства везде, где только возможно» [Пелипенко 2014, с. 60]. Из него вытекает все остальное. Этот проект требует служения, или, иначе говоря, мобилизации всех ресурсов во имя его реализации. В свою очередь, такая мобилизация плохо или совсем несовместима с частной собственностью, которая обуславливает плюрализм индивидуальных целей — не случайно она сейчас в очередной раз вытесняется на периферию системы.

Одновременно «Русская матрица» характеризуется антиличностью [там же]. Человек в ней утрачивает то, что либертарианцы называют самопринадлежностью, подчиняя свои личные качества не самореализации, а служению. Естественно, в такой среде нет места суверенному гражданину, делегирующему часть своих прав государству и требующему от него отчетности за их выполнение. В ней заложена несовместимость с неотчуждаемостью прав человека, верховенством закона, демократическим управлением. Человек здесь в той или иной степени сам становится принадлежностью государства. Поэтому использование рейтингов демократии, прав собственности и прочих компонент Западной цивилизации применительно к России может показать только их рудиментарность или даже фактическое отсутствие. У пингвина тоже есть крылья, вот только он не летает.

Понятно, что, когда из такой системы вырываются покоренные ею территории с чуждым ей институционально-культурным кодом, они шагают как можно дальше от той модели, которая им навязывалась силой завоевателями. В этом секрет в основном успешного реформирования стран Балтии в направлении либеральной демократии, рыночной экономики и преимущественно завершенной модернизации в течение сравнительно небольшого исторического отрезка времени.

Противоположной является реакция на аналогичные реформы и попытки модернизации «Русской матрицы». Она нуждается в них на этапе переформатирования, когда надо просто пережить трудные для нее времена. Уже отмечалось ранее некоторое сходство НЭПа и 1990-х гг. Однако как только этой матрице удастся удержаться на плаву, она начинает постепенно отбрасывать чуждые ей элементы и заменять их на собственные ей органически<sup>30</sup>. На место приватизации приходит огосу-

---

<sup>30</sup> «Трансформационные фазы задумывались реформаторами не как вспомогательные этапы развития раздаточной экономики, а как действительный переход

дарствление, на место демократии — единоличная власть, на место временно завоеванного суверенитета личности — ее подчинение государственному диктату.

Историк Ю. Афанасьев так описал цикличность русской истории: «В плане социальной динамики для нашего общества органична способность при всей изменчивости во времени его форм и внешних обличий сохранять в неизменности свое матричное основание, на котором периодически, после каких-то потрясений или изменений, воспроизводится вся основанная на нем система» [Афанасьев 2011].

## Литература

*Афанасьев Ю.* Возможна ли сегодня в России либеральная миссия? 2011. URL: <http://liberty.nnov.org/liberalnaya-lenta/2843332.html>.

*Афонцев С. А.* Зависимость от исторического пути, социальное действие и исторический процесс // «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / под ред. Л. И. Бородкина, Х. Кесслера и А. К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 21–36.

*Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М.: Новое издание, 2005.

*Бессонова О. Э.* Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

*Васильев Л. С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина и др. М.: Логос, 2000. С. 96–114.

*Голденков М.* Утраченная Русь: забытая Литва, неизвестная Московия, запрещенная Беларусь. Минск: Букмастер, 2011.

*Голденков М.* Русь — другая история. Минск: Букмастер, 2014.

*Голденков М.* Мир и война. Минск: Букмастер, 2015.

*Гумилев Л. Н.* От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992.

*Даниелс Р. В.* Взлет и падение коммунизма в России. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

---

к рыночной организации хозяйства. Однако весь комплекс изменений приводил к парадоксальному эффекту: вместо перехода от раздаточной к рыночной модели происходило восстановление самой раздаточной экономики» [Бессонова 2015, с. 76–77].

*Жолквер Н.* Опрос: Почему россияне не любят прибалтов, но завидуют им? 2015. URL: <http://p.dw.com/p/1HREn>.

*Заостровцев А. П.* Концептуальные альтернативы теории модернизации: российские концепции. Препринт М-46/15. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

*Заостровцев А. П.* «Служилое государство» в постсоветской России: II реинкарнация «Матрицы Московии» // Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2017а. С. 46–68.

*Заостровцев А. П.* Матрица Московии и ее реинкарнации: как реальность опровергает благие пожелания // Общественные науки и современность. 2017б. № 6 (в печати).

*Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008.

*Казначеев П.* Столетие «красной нефти». К чему привела советская национализация недр. 2017. URL: <https://republic.ru/posts/87449>.

*Кантор В. К.* Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: РОССПЭН, 2007.

*Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов М. П.* Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от юриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006.

*Карпов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. М.: Кучково Поле, 2015.

*Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М.: Археографический центр, 1995.

*Левада-Центр.* Предпочтительные модели экономической и социальной систем. 2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem>.

*Левицкий Г.* Великое княжество Литовское. М.: Ломоносовь, 2015.

*Линдси Б.* Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Бук, 2006.

*Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М.: Издательство политической литературы, 1968.

*Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

*Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретаций письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

*Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2009.

*Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС, 2016.

*Пайнс Р.* Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2001.

*Пастухов В. Б.* Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // *Общественные науки и современность.* 2006. № 2. С. 5–28.

*Пелипенко А. А.* Андрей Пелипенко. Не было никаких «Московских Афин» и московских Периклов! // *История и историческое сознание* / под ред. И. М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012. С. 72–76.

*Пелипенко А. А.* Код к Русской матрице // *Власть.* 2014. № 2. С. 58–65.

*Плаканс А.* Краткая история стран Балтии. М.: Весь мир, 2016.

*Полтерович В. М.* Общество и реформы. Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность.* 2004. № 3. С. 5–16.

*Скрынников Р. Г.* История Российская. IX–XVII вв. М.: Весь мир, 1997.

*Тамбовцев В. Л.* Экономическая теория неформальных институтов. М.: РГ-Пресс, 2014.

*Тамбовцев В. Л.* Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях // *Вопросы экономики.* 2015. № 12. С. 85–106.

*Тульчинский Г. Л.* Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетейя, 2015.

*Тюндешев Г. А.* Великий хан Батый — основатель Российской государственности. Минусинск, 2013.

*Фергюсон Н.* Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ; CORPUS, 2014.

*Хедлунд С.* Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

*Цирель С. В.* “QWERTY-эффекты”, “Path Dependence” и закон Седова, или Возможно ли выращивание устойчивых институтов в России // *Постсоветский институционализм* / под ред. Р. М. Нуреева и В. В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. С. 126–144.

*Четвернин В. А.* Понятие права: конкурирующие парадигмы // *Капитализм и свобода: сборник статей* / П. В. Усанов, Д. В. Нефедов и др. СПб.: Нестор-история, 2014. С. 161–205.

*Шкаратан О. И.* Россия как евразийская цивилизация // *Россия как цивилизация: материалы к размышлению* / под общ. ред. О. И. Шкаратана и др. М.: Редакция журнала «Мир России», 2015. С. 12–65.

*Янов А. Л.* Россия и Европа. 1462–1921. В 3 кн. Кн. 1. Европейское столетие России. 1480–1560. М.: Новый Хронограф, 2008.

*Alesina A., Guiliano P.* Culture and Institutions // Journal of Economic Literature. 2015. Vol. 53 (4). P. 898–944.

*Denisova I. et al.* Everyone Hates Privatization, but Why? Survey Evidence from 28 Post-Communist Countries. CEFIR/NES Working Paper series. 2010 May. Working Paper № 143.

Economist Intelligence Unit. Democracy Index–2016. 2017. URL: <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>.

Freedom House. Nations in Transit–2010. 2017. URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2010>; Nations in Transit–2017. URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2017>.

*Gel'man V.* Political Foundations of Bad Governance in Post-Soviet Eurasia: Towards a Research Agenda // East European Politics. 2017. Vol. 33 (4). P.496-516

Property Rights Alliance. International Property Rights Index-2017. 2017. URL: <https://internationalpropertyrightsindex.org/>.

World Bank. World Governance Indicators. 2017. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>

World Values Survey. 2010–2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>.

*Андрей Заостровцев*

**Россия и страны Балтии: расхождение цивилизаций**

Препринт М-61/17  
В авторской редакции  
Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета  
в Санкт-Петербурге  
191187, Санкт-Петербург,  
ул. Гагаринская, 6/1;  
[books@eu.spb.ru](mailto:books@eu.spb.ru)

Подписано в печать 11.12.17.

Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.



**Центр исследований модернизации  
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

- Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**, в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.
- Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.
- Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.
- Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA: OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.
- Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**. СПб.: Норма, 2010.
- Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
- Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.
- Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
- Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.
- Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.
- Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**. Lanham, MD: Lexington Books, 2014.
- Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.
- Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**. СПб.: НОРМА, 2015.
- Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.
- Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ, ИЛЛЮЗИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.